

ТЕНЬ
— ЗА —
РАМОЙ

ТАТЬЯНА МАКЕЕВА

18+

Татьяна Макеева

Тень за рамой

«Автор»

2026

Макеева Т.

Тень за рамой / Т. Макеева — «Автор», 2026

Пятьсот лет назад трансильванский художник Шандор Луческу нашёл способ победить смерть. Он писал портреты, способные удерживать человеческие души. Богачи отдавали целые состояния за новую жизнь, не подозревая, какую цену за их бессмертие платят другие. Шандор давно мёртв. Но его картины пережили века. Санкт-Петербург, наши дни. Успешный бизнесмен Кирилл живёт именно той жизнью, о которой многие мечтают: любимая жена, деньги, друзья, счастливое будущее. Но однажды его жена Рита начинает замечать вещи, которым нет разумного объяснения. Кто-то следит за ними. Кто-то проникает в их дом. Кто-то терпеливо ждёт своего часа. И чем ближе они подбираются к тайне старинных полотен, тем очевиднее становится страшная правда: охота началась не на Риту. Настоящая цель — Кирилл. Потому что некоторые долги не имеют срока давности. А некоторые души готовы ждать возвращения сотни лет. Иногда картина — это не изображение. Иногда картина смотрит на тебя в ответ.

© Макеева Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. 1492 Год. Трансильвания. Пик Ому	5
ГЛАВА 2. Сентябрь 2023 Год. Санкт-Петербург	9
ГЛАВА 3. Июнь.1959 Год. Румыния, Сибиу	13
ГЛАВА 4. 1492 Год. Трансильвания. Пик Ому.	15
ГЛАВА 5. Октябрь 2023 Год. Санкт-Петербург	18
ГЛАВА 6. Июнь. 1959 Год. Румыния, Сибиу	23
ГЛАВА 7. Октябрь. 1492 года. Румыния долина реки Олт	26
ГЛАВА 8. Март. 2026 Год. Санкт-Петербург	29
ГЛАВА 9. Март. 2026 Год. Ленинградская область.	32
ГЛАВ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Тень за рамой

ГЛАВА 1. 1492 Год. Трансильвания. Пик Ому

В самом сердце Трансильвании, там, где хребты Бучеджи вздымаются к небу, подобно сломанным зубам древнего бога, замер Пик Ому. «Ому» означает Человек. Но в этих краях человеческое было лишь мимолетной тенью. Над вершинами вечно висели свинцовые тучи, давя на скалы своим серым, непосильным весом. Здесь не было дождей — были лишь туманы, плотные и живые. Они ползли по склонам, стирая границы между реальностью и царством духов, и старики шептали, что в их белом мареве открываются двери в иные миры, откуда нет возврата.

На самом краю бездны, врастая в черную плоть скалы, возвышался замок рода Луческу. Его базальтовые стены впитали цвет грозового неба, а узкие окна-бойницы следили за перевалом с мертвым, бесстрастным прищуром.

Гул водопадов перекрывал всё живое, и в их яростном реве чуткое ухо могло различить стоны заблудших душ, заманенных горными феями в бездонные пропасти. Но истинный кошмар таился не в холодных залах наверху, а в подземелье, вырубленном прямо в теле горы. Там, в запахе сырой земли и запекшейся крови, Шандор Луческу творил свою страшную работу.

Спуск в подземелье казался бесконечным. Ступени, вырубленные в скале, были скользкими от вечной сырости, а воздух становился всё плотнее, приобретая сладковато-металлический привкус.

В центре сводчатого зала, освещенного лишь парой чадающих факелов, возвышался валун из черного гранита. Идеально гладкий, зеркальный, он казался куском застывшей непроницаемой тьмы. Его поверхность была испещрена ломаными знаками, которые не были вырезаны — они выглядели как шрамы на теле самой земли. В центре камня зияло глубокое, отполированное до блеска чашеобразное углубление, на дне которого запеклись бурые следы прошлых ритуалов.

На этом холодном монолите лежала девочка. Ей было не больше десяти. В своем поношенном льняном платьице, босая, с тонкими, как у птицы, запястьями, она казалась невыносимо хрупкой, почти прозрачной на фоне безжалостного черного камня. Она не кричала — у нее не осталось сил на крик. Лишь по бледным, как мел, щекам катились крупные слезы, а губы беззвучно шептали молитву. Она была похожа на маленькое белое перышко, брошенное на алтарь перед бурей.

Шандор Луческу стоял рядом, в камзоле из багрового бархата, расшитый золотыми нитями, а белоснежные кружева на запястьях ослепительно сияли в свете факелов. Он был безупречен. Его лицо, красивое и хищное, не выражало ни гнева, ни ненависти. Лишь глубокую, профессиональную сосредоточенность, с которой художник смешивает краски перед созданием шедевра. Он брезгливо, почти лениво закатал рукава, обнажая сильные руки, и взял со стола узкий, как жало осы, серебряный нож.

— Не шевелись, дитя, — прошептал он, и его голос, мягкий и бархатистый, испугал девочку сильнее, чем сталь в его руке. Шандор слегка наклонился, разглядывая её с холодным любопытством, словно редкое насекомое. — Тебе стоило бы благодарить судьбу. Твоя жизнь — ничтожная, серая, полная нужды и грязи — сегодня наконец-то обретет истинный смысл. Разве это не великая честь для такой, как ты, — стать искрой в костре моего триумфа?

Он коснулся её подбородка кончиком холодного серебряного лезвия, заставляя девочку поднять взгляд.

— Ты была рождена, чтобы исчезнуть в неизвестности, — продолжал он, и в его глазах не было ни капли сочувствия, лишь ледяное превосходство творца. — Но я дарю тебе бессмертие.

Ты станешь цветом на моем холсте. Ты станешь самой Вечностью. Считай это моим последним милосердием к твоему никчемному роду.

Из густой тени подземелья неслышно выступила молодая женщина. В неверном свете факелов её красота казалась почти сверхъестественной, хищной. Бледная, как фарфор, кожа контрастировала с блестящим шелком платья цвета запекшейся крови. Густые черные косы змеились по плечам, а в глубоких, изумрудных глазах плясали отблески огня. Она подошла к Шандору со спины, по-кошачьи плавно, и по-хозяйски положила руки ему на плечи. Её тонкие пальцы с длинными ногтями ласково скользнули по бархату его камзола, спускаясь на грудь — интимный, собственнический жест женщины, которая знает, что этот мужчина принадлежит ей не только в этой жизни, но и за её пределами.

— Где ты нашел этого заморыша, мой господин? — брезгливо бросила она, скользнув равнодушным взглядом по алтарю.

Девочка на черном граните судорожно всхлипнула. Она лежала, не смея пошевелиться, широко открытыми от ужаса глазами наблюдая за этой красивой, страшной парой. От холода камня её губы посинели, но слезы продолжали беззвучно катиться по вискам, пропадая в спутанных волосах.

Шандор не обернулся. Он методично натирал куском замши глубокую серебряную чашу для сбора крови.

— Купил в деревне за перевалом, — спокойно ответил он, проверяя лезвие ножа на свет. — Её мать оказалась весьма стоворчивой женщиной. Десяток серебряных грошей — и она с радостью отдала мне лишний рот. Представь себе, любовь моя, она еще и плакала от счастья, целуя мне руки за щедрость.

Девочка на алтаре зажмурилась. Этот циничный, брошенный вскользь факт был для неё страшнее вида ножа. Родная мать променяла её жизнь на горстку монет.

Шафранка тихо рассмеялась, прижимаясь щекой к плечу колдуна. — Люди так жалки в своей нищете. Но зачем было платить, Шандор? Твои темницы полны смердов, сотни душ принадлежат тебе по праву. Мог бы просто приказать конюхам притащить сюда любую крестьянку из наших деревень.

Шандор отложил чашу и повернулся к возлюбленной. Он ласково провел тыльной стороной ладони по её щеке.

— Глупая моя девочка, — в его мягком голосе зазвучали назидательные нотки учителя. — Ритуал такого порядка не терпит воровства. Великая Магия строится на строгом балансе. Чтобы купить дополнительное время в этом мире, нужно совершить честную сделку. Ты не можешь просто украсть жизнь, за всё должно быть уплачено. Мать продала её по своей воле, я купил её тело по своей. Сделка безупречна. Золото за плоть, плоть за Вечность.

Он подошел к мольберту и начал растирать в ступке сухой свинцовый пигмент, готовя основу под «чистый исток».

Шафранка подошла ближе к чистому холсту. В её взгляде мелькнула тень сомнения. — И всё же... — она нервно передернула плечами. — Ты уверен, что этот механизм не даст сбой? Что наши души не окажутся заперты в этих кусках льна навсегда, без шанса на выход?

Шандор перестал растирать краски. Он посмотрел на нее с самодовольной усмешкой.

— Я не верю в слепую удачу, Шафранка. Я знаю. Ты думаешь, я стал бы рисковать нами, не проверив путь?

Он склонился над алтарем, чтобы поправить положение головы жертвы, не обращая внимания на то, как девочка сжалась от его прикосновения.

— Я уже делал это, — будничным тоном продолжил он. — Боярин Драгош, чей живот прогнил от дурной болезни... Трансильванский ростовщик Иштван... Даже сам господарь Валахии, когда его свалила болотная лихорадка. Они щедро платили мне за эти холсты. Их старые тела давно сожрали черви, но сами они дышат, пьют вино и правят.

Шандор склонился над алтарем, чтобы поправить положение головы жертвы, не обращая внимания на то, как девочка сжалась от его прикосновения.

— Потому что нашлись наивные глупцы с подходящими лицами, — на его губах заиграла жестокая усмешка. — Глупцы, которые по собственной воле купили эти картины и принесли в свои дома. Обмен состоялся. Мои заказчики вернулись к жизни в новых, крепких телах, а души тех несчастных покупателей теперь безмолвно кричат из-под слоя лака. Ритуал работает как часы.

Сомнения мигом слетели с лица Шафранки. Её черные глаза вспыхнули лихорадочным, голодным огнем

— Тогда начинай, Шандор, — прошептала она, облизнув пересохшие губы. — Я хочу, чтобы ты написал меня безупречно.

Шандор шагнул к черному монолиту. В его движениях не было суеты, гнева или злорадства — только выверенная, ледящая кровь холодность хирурга. Серебряное лезвие ножа мягко блеснуло в свете факелов, поймав на себе желтый хищный блик.

Девочка зажмурилась так сильно, что на бледном лбу проступили тонкие голубые венки. Она ждала боли, ждала жестокости, но Шандор действовал иначе. Для него это была не пытка. Это был просто сбор урожая.

Он мягко, но непреклонно взял её за тонкое, покрытое мурашками запястье и вытянул руку прямо над глубокой чашей, вырубленной в центре алтаря.

— Тихе, — шепнул он почти ласково. — Всего один миг.

Лезвие скользнуло по коже. Быстро. Безупречно. Глубоко.

Девочка не закричала. Она лишь судорожно, со свистом втянула воздух, словно поперхнувшись ледяным ветром. Её маленькое тело резко напряглось, вытягиваясь струной на камне, и тут же обмякло. Из ровного разреза хлынула густая, дымящаяся в стылом воздухе кровь, с гулким плеском ударяясь о дно каменной чаши.

И в этот момент подземелье изменилось.

Черный гранит, казавшийся до этого просто мертвым куском скалы, внезапно отозвался. Едва первые горячие капли коснулись дна, высеченные на алтаре древние шрамы-руны вспыхнули тусклым, пульсирующим багровым светом. Воздух в зале стал невыносимо плотным, пропитанным статическим электричеством. Сквозь толщу горы пронесся низкий, утробный гул, от которого заложило уши — древний камень с жадностью пил предложенную жертву.

Свет в расширенных глазах девочки угасал с пугающей быстротой. Её прерывистое дыхание превратилось в тихий, едва уловимый шелест. Она смотрела в темный каменный свод, но уже ничего не видела. Чистая, невинная искра жизни покидала хрупкое тело, послушно вытягиваясь в кровавый водоворот на дне чаши, намертво привязываясь к нему невидимыми цепями заклятий.

Спустя минуту всё было кончено. Бледная ручка соскользнула с края алтаря, свесившись вниз.

Шандор даже не взглянул на лицо мертвой девочки. Он смотрел только в чашу. На его лице отразилось глубокое, почти религиозное удовлетворение мастера, получившего идеальный материал.

Осторожно, словно величайшую святыню, он взял тяжелую чашу с алтаря и перенес её на свой рабочий стол. Густой, железистый запах свежей смерти мгновенно заполнил подземелье, без следа перебивая привычный аромат сырости.

Шафранка бесшумно подошла ближе. Она заворожено, не мигая, смотрела, как Шандор берет деревянный мастихин. Он начал вливать еще теплую кровь в заранее растертый свинцовый пигмент, медленно, ритмично смешивая их. Краска на глазах меняла текстуру, становясь вязкой, маслянистой, глянцевой. Она пугающе переливалась в свете огня, и казалось, что она дышит.

— Садись, — глухо приказал Шандор, беря в руки кисть. Его взгляд теперь был прикован исключительно к натянутому чистому холсту. — Пора начинать.

ГЛАВА 2. Сентябрь 2023 Год. Санкт-Петербург

Пространство модной галереи современного искусства на Васильевском острове гудело, как растревоженный, но очень респектабельный улей. Залитые теплым светом софитов белые стены, негромкий лаунж из скрытых колонок и звон бокалов с шампанским создавали ту самую атмосферу безмятежного петербургского вечера, которую Кирилл так ценил.

Здесь не нужно было думать о бизнесе, жестких переговорах и цифрах. Здесь он мог просто быть собой — успешным мужчиной, рядом с которым шла потрясающая женщина. Рита мягко держала его под руку, её тихий, счастливый смех то и дело вплетался в общую беседу, и Кириллу казалось, что в этот момент у него есть абсолютно всё.

Они остановились веселой компанией перед огромным, пестрым полотном, занимавшим центральное место в экспозиции. С холста на них смотрело нечто, лишь отдаленно напоминающее человеческое лицо: глаза разного размера были раскиданы по синему фону, нос съехал куда-то к уху, а пропорции тела ломали все законы физики.

— Знаете, — Алена насмешливо склонила голову набок, пригубив шампанское, — я, конечно, ничего не смыслю в высоком искусстве, но в старшей группе детского сада, куда ходит моя племянница, дети рисуют портреты воспитательницы примерно так же. Разве что за это не просят десять тысяч евро.

Кирилл усмехнулся, прижимая к себе Риту, а Олег, довольный отличным поводом, картинно поднял указательный палец.

— Аленка, искусство не должно быть понятным, оно должно быть вечным! — Олег поправил пиджак и хитро прищурился. — Был такой случай с Пабло Пикассо. Подошел к нему как-то на выставке один очень известный, напыщенный доктор. Долго рассматривал картины, а потом важно так заявляет: «Мэтр, я весьма неплохо знаю анатомическое строение тела человека. Так вот, могу сказать, что люди на ваших полотнах вызывают у меня некое сожаление и искреннее недоумение».

Олег выдержал театральную паузу, наслаждаясь вниманием слушателей.

— И что ответил Пикассо? — с улыбкой спросила Рита.

— Пикассо посмотрел на него и невозмутимо парировал: «Вполне возможно, доктор. Но я могу вас заверить, что они проживут гораздо дольше ваших пациентов!»

Компания дружно рассмеялась. Звонкий смех Риты заставил Кирилла тепло улыбнуться, а Аркадий Самойлович, элегантно, как всегда, в своем безупречном костюме-тройке, снисходительно покачал головой, привычным жестом поправляя очки в золотой оправе.

— Шутка великолепная, Олег, — мягко произнес старый антиквар. — Но смею вас заверить, этот конкретный маратель холстов никогда не сыщет славы Пикассо. Это чистой воды коммерция, лишенная души. Пустышка на один сезон.

— Раз уж мы заговорили о настоящем искусстве, — Кирилл сделал глоток шампанского и с интересом посмотрел на антиквара. — Аркадий Самойлович, не попадало ли к вам в последнее время какая-нибудь действительно интересная вещичка? Хочется пополнить коллекцию чем-то с историей, с характером.

Старик тепло улыбнулся, его глаза лукаво блеснули за стеклами очков.

— Обижаете, хавер. Вы же знаете, как только в моих руках оказывается подлинная жемчужина, вы с Олегом узнаете об этом первыми. Пока рынок спит, но мои агенты в Европе всегда начеку. Я дам знать, как только появится что-то достойное ваших кабинетов.

Пока мужчины увлеклись обсуждением аукционных трендов, Рита с Аленой отошли чуть в сторону, к огромным панорамным окнам галереи, выходящим на вечернюю улицу.

— Рит, я просто в восторге от твоего тренча, — Алена с восхищением оглядела подругу. — Этот бежевый оттенок тебе безумно идет. Где брала?

— Ой, это смешная история, — Рита оживилась, её глаза радостно заблестели. — Представляешь, случайно зашла в один маленький бутик на Петроградке, и там...

Она замолчала на полуслове. Улыбка мгновенно стерлась с её лица, словно кто-то нажал на невидимый выключатель. Рита замерла, её взгляд, вдруг ставший испуганным и колючим, метнулся за стекло панорамного окна, вглядываясь в поток вечерних машин на проспекте.

Алена удивленно нахмурилась.

— Рит? Ты чего? Что-то случилось?

Рита судорожно сглотнула и медленно перевела взгляд на подругу. Её пальцы, сжимающие тонкую ножку бокала, заметно побелели.

— Ален... — её голос дрогнул, понизившись до тревожного шепота. — Я, наверное, схожу с ума. Последнее время я чувствую себя не очень хорошо. Нервы, наверное, шалят, не знаю... Мне всё время кажется, что за мной кто-то следит.

— Следит? — Алена недоверчиво округлила глаза. — Рита, ты переработала. Кому за тобой следить?

— Я не знаю! — Рита нервно передернула плечами, словно пытаясь сбросить с себя липкую паутину. — Вот сейчас... за окном проехала машина. Черный седан. Обычный, ничем не примечательный. Но я вижу эту машину уже далеко не в первый раз. Она стояла у моего любимого кафе два дня назад. Она ехала за мной от фитнес-клуба. А вчера мне показалось, что кто-то переложил вещи в нашей прихожей, пока меня не было.

Алена сочувственно взяла подругу за руку, чувствуя, какая она холодная.

— Милая моя, это чистой воды переутомление и стресс. Ты себя накручиваешь. У вас охраняемый дом, безопасный район. У Кирюхи всё схвачено.

— Может, ты и права, — Рита попыталась выдавить из себя улыбку, но она получилась жалкой. — Просто какая-то дурацкая паранойя.

— Тебе нужно обязательно рассказать всё Кириллу, — мягко, но настойчиво посоветовала Алена. — Не держи это в себе. Он наймет тебе водителя на пару недель, проверит камеры у дома, и ты успокоишься. Договорились?

Рита коротко кивнула, делая глубокий вдох, чтобы вернуть себе самообладание, когда к ним подошли мужчины.

Вечеринка продлилась еще около часа. Выйдя из галереи в прохладную петербургскую ночь, они тепло попрощались с друзьями. По дороге домой Кирилл был расслаблен и в отличном настроении. Он вел машину, положив одну руку на колено Риты, не замечая, как напряжена её спина и как тревожно она вглядывается в зеркала заднего вида.

Поднявшись на свой этаж, Кирилл привычно провернул ключ в замке и распахнул тяжелую дверь их квартиры.

— Отличный был вечер, — с улыбкой произнес он, пропуская Риту в квартиру и привычно закрывая за ними дверь. Щелкнули замки, отрезая их от внешнего мира. Зажегся мягкий свет. — Надо будет чаще выбирать с...

Он осекся, так и не договорив фразу.

Рита сделала всего пару шагов и как вкопанная замерла посреди прихожей. Её глаза расширились от неподдельного испуга, а лицо в одно мгновение стало белее мела. Она неотрывно смотрела на консольный столик у зеркала, и Кирилл с тревогой заметил, как мелкая, неудержимая дрожь начала бить её хрупкие плечи.

— Рита? — Кирилл нахмурился, быстро подошел к жене и осторожно коснулся её руки. — Родная, в чем дело? Что тебя так напугало?

Рита медленно повернула к нему голову. Её губы дрожали.

— Здесь кто-то был, — выдохнула она одними губами.

— В смысле «был»? — Кирилл удивленно вскинул брови, оглядывая пустую, идеально чистую прихожую. Квартира стояла на сигнализации, замки целы. — С чего ты это взяла?

— Неужели ты не слышишь?! — голос Риты внезапно сорвался на крик, от которого Кирилл даже отшатнулся. — Вся квартира пропахла духами! Чужими женскими духами!

Кирилл принюхался. В воздухе действительно висел легкий, сладковатый цветочный аромат, но он не придал этому никакого значения.

— Рит, успокойся, пожалуйста, — он попытался обнять её за плечи, но она резко вырвалась. — Тебе просто показалось. Возможно, это твой же парфюм так раскрылся, или домработница поменяла освежитель воздуха...

— Почему ты пытаешься сделать из меня дуру?! — у Риты началась настоящая истерика. По щекам покатились злые, отчаянные слезы. — Я способна отличить запах собственных духов от чужого парфюма! За мной следят, Кирилл! Я пыталась тебе сказать! Черная машина, шаги за спиной, а теперь этот кто-то пробрался прямо в наш дом!

Она закрыла лицо руками и громко разрыдалась. Кирилл почувствовал, как внутри всё сжимается от жалости и тревоги за неё. Он понял, что логические доводы сейчас не сработают. Нужны факты.

— Тише, тише, маленькая моя, — он крепко прижал её к себе, глядя по волосам. — Я тебе верю. Слышишь? Давай сделаем так: у нас везде камеры видеонаблюдения. Мы прямо сейчас спустимся к консьержу и посмотрим, кто мог пройти к нам в квартиру. Хорошо?

Рита, всхлипывая, кивнула, уткнувшись ему в грудь.

Они спустились на первый этаж. Дежурный консьерж Федор, увидев бледную Риту и мрачного Кирилла, тут же подобрался.

— Федор, отмотай записи с камер наблюдения на парадном входе, — строго скомандовал Кирилл. — С того момента, как мы уехали, и до нашего возвращения.

Федор защелкал мышкой. На мониторе замелькали ускоренные кадры. Проходили соседи, курьер оставил посылку в холле. Ни одного постороннего человека, который мог бы проскользнуть внутрь, на видео не было.

— Никого, — констатировал Кирилл, мягко сжимая руку жены. — Видишь? В подъезд никто чужой не заходил.

Но Риту это не успокоило. Она снова начала плакать, комкая в руках влажный носовой платок.

— Значит, это кто-то из своих... Кто-то из жильцов нашего подъезда!

— Кирилл Дмитриевич, Рита Николаевна, подождите, — вмешался Федор, желая помочь. — У нас же камера еще в лифте стоит. Можно просмотреть, не поднимался ли кто-нибудь на ваш этаж. А еще давайте проверим камеру на лестнице.

Он переключил изображения. На экране появилась пустая кабина лифта. Время быстро бежало вперед, но двери на их этаже так ни разу и не открылись. Затем Федор вывел запись с камеры, направленной на лестничную площадку. Абсолютная пустота. Так как их квартира занимала полностью весь верхний этаж, становилось очевидным: за всё время их прогулки к их дверям не подошла ни одна живая душа.

Рита смотрела на экран, и её напряженные плечи начали медленно опускаться. Факты были неоспоримы. Беспристрастные камеры доказали, что она была в полной безопасности. Истерика начала отступать, сменяясь чувством неловкости за свой срыв.

— Прости... — тихо пробормотала она, вытирая лицо. — Я, наверное, правда переутомилась.

— Главное, что мы во всем разобрались, — Кирилл поблагодарил Федора, и они вместе поднялись обратно домой.

Скинув туфли, Рита устало прислонилась к стене в прихожей.

— Завтра же я найму тебе телохранителя, — вдруг абсолютно серьезно заявил Кирилл, помогая ей снять тренч. — Я найду самого огромного, самого страшного человека, который

только существует в природе. Такого, чтобы из-за него мою маленькую Риту вообще не было видно.

Рита живо представила эту картину и наконец-то искренне рассмеялась. Её звонкий смех эхом разнесся по квартире, окончательно прогоняя остатки страха.

— Самого огромного? Договорились, — она улыбнулась и ласково поцеловала мужа. — Пойдем пить чай? А то я совсем вымоталась.

Они направились на кухню, чтобы выпить горячего чая перед сном, оставив тревоги этого странного вечера позади.

ГЛАВА 3. Июнь.1959 Год. Румыния, Сибиу

Воздух в подвале был густым, холодным и на вкус напоминал старую медь. Наверху, на узких мощеных улочках Сибиу, плавился от зноя июнь 1959 года, но сюда, в каменную утробу старинного фамильного дома Жванечей, лето не проникало никогда.

Тринадцатилетний Раду стоял в центре тайного помещения, освещая пространство неровным, дрожащим светом керосиновой лампы. Он нашел вход сюда всего час назад — за вросшим в пол дубовым шкафом в дедовском кабинете. Ключ от скрытой двери, кованный, с необычной бородкой в виде волчьей пасти, он снял с шеи деда еще до того, как в дом приехал гробовщик.

Дед скончался два дня назад. С его уходом Раду стал полноправным хозяином этого мрачного каменного гнезда в тихом переулке Сибиу и просторной квартиры в столичном Бухаресте. Детство мальчика закончилось слишком рано, выжженное смертями, как земля под безжалостным солнцем.

Сначала не стало отца. Тот после войны служил реставратором в местном музее, и Раду помнил лишь его длинные, вечно пахнувшие скипидаром и мастикой пальцы, бережно восстанавливающие старые полотна. Затем, ровно год назад, от скоротечной лихорадки сгорела мать — строгая школьная учительница, чьи исторические рассказы о древней Валахии Раду всегда слушал с замиранием сердца. А теперь ушел и дед, оставив мальчишку на попечение полубезумной бабки. После гибели сына её разум дал трещину. Теперь она целыми днями сидела в кресле у окна, разговаривая с пыльными портьерами и периодически путая Раду с его покойным отцом.

За ним некому было следить. И в его груди вместо горя и сиротского отчаяния цвело темное, жадное, взрослое любопытство.

Лампа в руке Раду скрипнула, выхватив из кромешного мрака подземелья два массивных предмета.

Это были деревянные кофры. Огромные, сколоченные из потемневших от времени досок и стянутые потускневшими железными обручами. Они стояли на каменном полу, словно два забытых саркофага, покрытые таким густым, плотным слоем вековой пыли, что казались бархатными.

Раду медленно подошел ближе. Страх не было. В тринадцать лет, когда ты уже столько раз видел вблизи смерть, старые ящики не пугают. Отец-реставратор учил его чувствовать вещь, понимать структуру дерева, а мать-историк — осознавать ценность прошлого. Сейчас каждый нерв в теле мальчика вибрировал от осознания того, что перед ним сокрыто нечто невероятно древнее. То, что дед охранял всю свою жизнь.

Он переложил лампу в левую руку, а правой, затаив дыхание, провел по крышке ближайшего ящика.

Пыль мягко скаталась под ладонью, осыпаясь на пол серыми, крупными хлопьями. Дерево под ней оказалось удивительно гладким, словно отполированным тысячами прикосновений. Раду наклонился ниже, поднося огонь почти вплотную к доскам, и его темные глаза изумленно расширились.

Дерево не было гладким. Под слоем грязи и времени скрывалась искусная, пугающая резьба. Острые, ломаные линии сплетались в сложные геометрические символы. Раду узнал их. Мать показывала ему похожие знаки в старых книгах — это были древние руны, мертвый язык тех темных времен, когда люди еще верили в магию крови и отдавали леса на откуп духам.

Но эти символы были вырезаны с такой маниакальной точностью и болезненной глубиной, словно безымянный мастер вкладывал в каждый штрих не просто смысл, а мощное, несмываемое заклятие.

Раду заворуженно скользил пальцами по вырезанным рунам, стирая пыль всё дальше и дальше. От старого дерева исходило едва уловимое, неестественное тепло. Оно не пахло гнилью или плесенью, как всё в этом заброшенном подвале. Оно пахло чем-то сладковатым, железистым и до одури притягательным — так пахнет воздух за секунду до удара молнии.

Пальцы Раду скользили по вырезанным символам, и в гулкой тишине подвала ему на мгновение почудилось, что он снова слышит скрипучий, надтреснутый голос деда.

Всю свою жизнь Раду рос на этих рассказах. Пока другие дети слушали перед сном сказки о драконах и благородных рыцарях, дед вечерами, плотно зашторив окна, рассказывал внуку о тайне их старого дома. Это были не выдумки для острастки непослушного мальчишки — в словах старика всегда звучал неподдельный, глубокий, почти религиозный трепет.

Дед говорил, что глубоко под их ногами, в запечатанных магическими письменами деревянных ящиках, покоится древнее зло. Жуткое, голодное и абсолютно безжалостное. Зло, которое семья Жванеч вынуждена охранять уже почти пятьсот лет. Это было их родовое проклятие, их невидимая тюрьма. Каждый первый сын в их роду расплачивался своей свободой за грехи далеких предков. Старший сын был обязан жить в этом мрачном каменном гнезде, никуда не уезжая надолго, и хранить неприкосновенность деревянных саркофагов, чтобы то, что спит внутри, никогда не увидело света.

Дед был таким Хранителем. Отец Раду, как первенец, должен был перенять эту ношу, но судьба перечеркнула древние планы, забрав его жизнь. И вот теперь этот невидимый, но неподъемный крест лег на худые плечи тринадцатилетнего мальчишки.

Только дед так и не успел поведать ему самого главного. Каждый раз, когда Раду с замиранием сердца спрашивал, *что именно* спрятано в подвале, старик мрачнел, качал головой и отрезал: «Ты еще слишком мал, Раду. Придет день, и ты узнаешь. А пока просто помни — никогда не спускайся туда и никогда не открывай двери».

Но день так и не пришел. Дед унес эту тайну с собой в могилу, оставив внука один на один с запертой дверью.

И вот теперь Раду стоял перед этими саркофагами, пытаясь осознать масштаб того бремени, которое на него свалилось. Что там? Кости чудовищ? Проклятое золото?

Мальчик прижался ухом к прохладному, исписанному рунами дереву. В абсолютной, мертвой тишине подвала ему вдруг показалось, что из-под толстых досок доносится едва слышимый, мерный, вибрирующий звук. словно там, внутри заколоченного деревянного кофра, всё еще билось чье-то сильное, живое сердце, терпеливо ожидавшее того, кто наконец-то сорвет печати.

Но это было не всё.

Сквозь этот глухой, гипнотический стук вдруг пробился шепот. Сухой, шелестящий звук, похожий на шорох мертвых листьев, трущихся о камень. Шепот звал его по имени. Голос проникал сквозь доски, сквозь кожу, ввинчиваясь прямо в мозг, рождая в голове жуткие, темные образы, от которых кровь стыла в жилах.

Животный ужас, парализовавший Раду на секунду, внезапно взорвался дикой паникой.

Мальчик сдавленно вскрикнул, отшатнулся от ящика, едва не выронив керосиновую лампу, и бросился прочь. Он взлетел по крутым каменным ступеням так быстро, что сбил колени в кровь, даже не почувствовав боли. Выскочив в дедовский кабинет, Раду дрожащими, непослушными руками захлопнул потайную дверь, судорожно провернул в замке кованый ключ и, упираясь ногами в паркет, с нечеловеческим для подростка усилием задвинул массивный дубовый шкаф обратно, намертво перекрывая вход в преисподнюю.

ГЛАВА 4. 1492 Год. Трансильвания. Пик Ому.

Огромный обеденный зал замка на Пике Ому утопал в густых, трепещущих тенях. Свет исходил лишь от колоссального каменного камина, где с треском пожирались целые сосновые бревна, да от сотен восковых свечей, расставленных на длинном дубовом столе.

Ужин проходил в гнетущей, неестественной тишине. Слуги — бледные, изможденные люди с потухшими, покорными глазами — двигались по залу совершенно бесшумно, словно призраки. Они подавали на серебряных блюдах истекающее соком жареное мясо, расставляли кубки из потемневшего золота и разливали густое, рубиново-красное вино, стараясь не смотреть в сторону хозяев.

Шандор Луческу сидел во главе стола. На нем был элегантный, расшитый золотом багровый камзол. Напротив него, грациозно выпрямив спину, сидела Шафранка. Её роскошные темные волосы блестели в свете свечей, а зеленые глаза задумчиво следили за игрой пламени в камине.

— У меня появился новый заказчик, — небрежно бросил Шандор, отрезая кусок мяса своим охотничьим ножом. — Влиятельный человек с юга. Готов отдать половину своих земель за вечную молодость на холсте.

Шафранка медленно перевела на мужа взгляд и изящно пригубила вино.

— Значит, снова нужен материал?

— Да, — кивнул Шандор. — И в этом вся сложность. Мне снова придется искать мать, которая добровольно, в здравом уме согласится продать мне свое дитя для ритуальной выжимки. Этот закон добровольной сделки связывает мне руки. Магия крови слишком требовательна.

— Отправь людей в столицу, любовь моя, — мягко посоветовала Шафранка. — Там, в трущобах Бухареста, полно нищих, оборванных шлюх и голодающих крестьянок. За горсть золотых монет они продадут тебе не только младенца, но и собственную душу.

Шандор усмехнулся, откинувшись на высокую спинку резного стула.

— Скоро нам не придется никого искать и ничего покупать. Я уже близок к разгадке. Я почти нашел формулу ритуала, которая позволит забирать жизнь без их согласия, без этой жалкой платы. Это навсегда изменит наше искусство, Шафранка. Мы станем богами.

Он не успел договорить.

Вязкую тишину замка разорвал дикий, многоголосый вой, донесшийся откуда-то снизу. Вслед за ним раздался оглушительный звон бьющегося стекла и глухие, ритмичные удары дерева о железо. Слуги в ужасе выронили серебряные подносы и сбились в угол, затравленно озираясь по сторонам.

Шандор вскочил с места, опрокинув стул, и в несколько широких шагов преодолел расстояние до высокого стрельчатого окна.

То, что он увидел, заставило его кровь похолодеть.

Внутренний двор замка был залит дрожащим светом сотен факелов. Внизу бесновалась огромная, разъяренная толпа крестьян из окрестных деревень. Их лица, искаженные дикой ненавистью, казались дьявольскими масками. Защита замка пала. Тела преданных Шандору воинов-наемников были разбросаны по брусчатке. Один из стражников лежал у колодца, насквозь проткнутый тремя ржавыми вилами, его внутренности блестели в свете огня. Еще двое, изуродованные до неузнаваемости, болтались в петлях, перекинутых прямо через зубья главных кованых ворот.

В самом центре двора несколько десятков мужчин уже сваливали в кучу телеги, сломанную мебель и сухой хворост, поливая всё это дегтем. Они строили костер. Остальные, схватив

огромное бревно, с мерным, жутким гулом таранили массивные парадные двери замка. Дерево уже трещало.

Шандор резко отшатнулся от окна. В его черных глазах не было страха — только холодное, яростное понимание. Ему не уйти. Их слишком много.

— Пошли вон! — рявкнул он на скулящих в углу слуг. — Вон, псы, если хотите жить!

Слуги с визгом бросились прочь из зала, растворяясь в темных коридорах. Шандор подбежал к Шафранке, которая уже стояла у стола, бледная, но сохраняющая пугающее самообладание.

— Это бунт, — быстро проговорил он, хватая её за плечи. — Они прорвали внешний периметр. Идут за мной.

— Мы примем бой, — в зеленых глазах Шафранки вспыхнул опасный, ведьминский огонь. — Мы сожжем их заживо.

— Нет! — отрезал Шандор. — Их слишком много. Тебе нужно бежать. Сейчас же.

Он потащил её к дальней стене зала, скрытой тяжелым гобеленом со сценами охоты. Откинув ткань, Шандор схватился обеими руками за массивный кованный факелодержатель, вмурованный в камень, и с силой повернул его вниз. В стене с глухим скрежетом отворилась узкая, темная щель потайного хода. Оттуда пахло сыростью и спасительной мглой.

Удары в парадную дверь внизу сменились радостным, кровожадным ревом. Двери рухнули.

— Уходи по туннелю, он выведет тебя к северному перевалу, — приказал Шандор, силой подталкивая жену к проему.

— Я не оставлю тебя! — Шафранка вцепилась тонкими пальцами в бархат его камзола, её глаза наполнились слезами.

Шандор обхватил её лицо жесткими, перепачканными ладонями и прижался к её губам глубоким, отчаянным поцелуем — поцелуем человека, который знает, что отправляется в ад.

Разорвав объятия, он посмотрел прямо в её пылающие зеленую глаза, а затем опустил взгляд на её живот, где уже теплилась новая жизнь.

— Уходи, — приказал он тоном, не терпящим возражений. — Беги по туннелю, не оглядываясь. Береги себя и моего сына.

С этими словами он грубо толкнул её в темноту тайного хода и дернул рычаг на стене. Каменная плита начала с лязгом задвигаться на место. Последнее, что увидела Шафранка перед тем, как тьма окончательно сомкнулась вокруг нее — это широкая спина её мужа, который обнажил длинный меч и, расправив плечи, пошел навстречу грохоту шагов, доносящемуся с парадной лестницы.

Темнота потайных коридоров рвалась в клочья от её прерывистого дыхания. Шафранка бежала так, как не бегала никогда в жизни. Сердце бешено колотилось о ребра, грозя проломить грудную клетку, но в голове билась лишь одна пульсирующая мысль: *«Только бы успеть. Главное — успеть»*.

Задыхаясь, она ворвалась в глубокое подземелье замка. Здесь, в центре сырого зала, возвышался гладкий ритуальный камень, на котором Шандор годами творил свое темное искусство. Не теряя ни секунды, Шафранка бросилась к деревянным стеллажам. От страха её руки тряслись, в глазах темнело, а волосы растрепались, падая на лицо черными волнами. Боясь потерять драгоценные секунды, она мертвой хваткой вцепилась в края тяжелого холста и бросилась обратно наверх.

Анфилады замка встречали её гулкой пустотой. Слуги разбежались. Но ей это было только на руку — для того, что должно было произойти, свидетели не требовались.

Она вбежала в пустую гостевую залу на третьем этаже и, запыхавшись, бросилась к высокому стрельчатому окну.

Внизу бушевал ад. Разъяренная толпа уже выволокла Шандора в центр двора и намертво привязала к высокому деревянному столбу, установленному поверх груды телег и хвороста. Воздух дрожал от ненависти. Сотни глоток сливались в единый кровожадный рев:

— Сжечь колдуна!

— Отправляйся в ад, дьявольское отродье!

Шафранка с ужасом смотрела, как человек в длинном одеянии местного священника, истово крестясь, подносит пылающий факел к наваленным у ног Шандора промасленным бревнам. Сухое дерево вспыхнуло мгновенно. Огонь жадно пополз вверх, обхватывая столб.

Но её муж не кричал. Он стоял на этом костре абсолютно неподвижный, гордый и пугающе величественный. В его глазах не было ни капли страха или паники. Он медленно поднял голову и посмотрел на башни своего родового замка, словно навсегда прощаясь с ним.

Шафранка поняла, что у неё остались секунды.

Одним резким, отчаянным движением она сорвала с длинного стола белоснежную льняную скатерть, смахнув на пол серебряные кубки, и наполовину высунулась из окна, отчаянно размахивая белой тканью на фоне черной каменной стены.

Эти мгновения показались ей вечностью. Но вдруг Шандор, сквозь дым и искры, заметил этот белый, трепещущий на ветру флаг. Он перевел взгляд на окно третьего этажа.

Они встретились глазами.

Шандор увидел жену. А затем увидел то, что она прижимала к груди свободной рукой. Свой портрет. Тот самый идеальный сосуд, который не позволит ему кануть в небытие.

Огонь уже добрался до его ног, с жадным шипением вгрызаясь в плоть. Физическая боль была невыносимой, жизнь стремительно покидала его сгорающее тело, но Шандор не отрывал горящего взгляда от холста в руках жены. Мир вокруг него начал дрожать и распадаться на части. Огонь, крики толпы, стены замка — всё смазлось, закружилось в безумной воронке, и сознание Шандора рухнуло в непроглядную, тугую тьму.

Ему казалось, что он падает в бесконечную пропасть. Не было ни звуков, ни боли — только стремительное падение. Но внезапно это движение начало замедляться. Тьма стала рассеиваться, и мир вдруг резко, с оглушительным щелчком, вернул свои краски.

Шандор открыл глаза.

Он больше не чувствовал огня. Он смотрел прямо перед собой и видел далеко внизу, сквозь странную, искажающую расстояния призму, как толпа ликует вокруг гигантского костра. Он видел в языках пламени обугленные остатки своего собственного физического тела. А прямо рядом с собой он слышал сдавленный, судорожный плач. Шандор скосил глаза и понял, что этот плач издает Шафранка, крепко прижимая портрет к себе. Портрет, в котором ему теперь придется провести не один день, а может даже и не один год.

Внизу пламя начало постепенно оседать. Ликующий рев толпы сменился деловитыми выкриками — крестьяне требовали выжечь скверну дотла и найти ведьму-жену.

Шафранка смахнула слезы. Убедившись, что костер сделал свое дело и физическое тело мужа мертво, она поняла, что толпа вот-вот хлынет в замок на её поиски. Оставаться здесь было смертельно опасно.

Она в последний раз посмотрела на дымящийся двор, отвернулась от окна и бросилась обратно к потайному ходу. Спустившись в темноту туннелей, которые вели далеко за пределы замка, к северным перевалам Карпат, она бережно, как величайшую святыню, прижимала к себе свою ношу: два портрета, написанные её мужем. В одном из них теперь жила его душа, а в другом таилась надежда на то, что однажды, они снова будут вместе.

ГЛАВА 5. Октябрь 2023 Год. Санкт-Петербург

Входная дверь закрылась за спиной Кирилла с мягким шелчком, отсекая гул лифта и напряжение бесконечного рабочего дня. Он устало прислонился к стене, стягивая галстук, но уже через секунду на его лице появилась теплая, искренняя улыбка.

Квартира пахла домом.

Не стерильным холодом дизайнерского ремонта, а потрясающими, уютными ароматами запеченного с розмарином мяса и свежего хлеба. С кухни доносился веселый звон посуды и негромкий голос Риты — она в своей милой, чуть фальшивой манере подпевала модному треку, играющему по радио.

Кирилл сбросил пиджак прямо на пуфик в прихожей, тихо разулся и на цыпочках прошел на кухню.

Рита стояла у плиты в простом домашнем платье, перевязанном забавным фартуком, и пританцовывала, помешивая соус. Кирилл подошел сзади, мягко обнял её за талию и уткнулся носом в теплую макушку, вдыхая запах её шампуня.

— Ой! — она вздрогнула, но тут же радостно рассмеялась, поворачиваясь в его объятиях. — Ты сегодня рано. Напугал меня!

— На запах летел, — Кирилл нежно поцеловал её в кончик носа, чувствуя, как вся усталость прошедшего дня растворяется в её улыбке. — Умираю от голода. Чем так вкусно пахнет?

— Твоей любимой говядиной в брусничном соусе. Мои руки, всё уже готово.

Ужин прошел в той удивительной, расслабленной атмосфере, которая бывает только у абсолютно счастливых людей. Они пили чай, болтали о пустяках, и Кирилл ловил себя на мысли, что готов слушать её голос вечно.

— Звонила Аленка, — Рита вздохнула, подперев щеку рукой. — Плакала полчаса. Олег снова загулял. Дома не ночевал, телефон отключен. Она уже с ума сходит от переживаний.

— Этот идиот совершенно неисправим, — Кирилл покачал головой, нарезая яблоко. — Я с ним на прошлой неделе серьезно говорил. Пытался вдолбить в его пустую башку, что он такую жену потеряет. Клялся, что завязал. И вот опять.

— Горбатого могила исправит, — философски заметила Рита. — Зато у нашей Ольги всё как всегда стабильно. Нашла себе очередного «папика», какого-то нефтяника, и укатила с ним на Мальдивы. Прислала мне фотку с яхты — счастливая, загорелая.

— Ну, каждому свое, — усмехнулся Кирилл, любуясь тем, как смешно Рита морщит носик, рассказывая сплетни.

Она вдруг замолчала, загадочно улыбнулась и начала пальцем водить по краю своей чашки.

— Кстати, о стабильности... Через неделю моя мама приезжает.

Кирилл картинно схватился за сердце и застонал. — О нет! Только не это. По какому поводу Антонина Павловна решила почтить нас своим визитом и выесть мой мозг десертной ложечкой? Мы же вроде недавно у нее были.

— Ну, — Рита опустила глаза, и её щеки залил густой, красивый румянец. — Повод очень даже весомый. Ей нужно помочь нам с выбором цвета обоев.

— Для гостевой спальни? Мы же вроде решили оставить её белой.

Рита подняла на него глаза. Они блестели так ярко, что у Кирилла перехватило дыхание.

— Не для гостевой, Кирюш. Для детской.

В кухне повисла звенящая тишина. Кирилл замер, чувствуя, как мир вокруг него на секунду остановился, а затем закружился с бешеной скоростью. Он смотрел на её порозовевшие щеки, на её сияющую улыбку, и не мог поверить своим ушам.

— Рита... — его голос дрогнул. — Ты серьезно? Мы... мы станем родителями?

Она счастливо, сквозь выступившие слезы, кивнула.

Кирилл вскочил из-за стола так резко, что стул с грохотом отлетел назад. Он подлетел к Рите, сгреб её в охапку и поднял на руки, закружив по кухне.

— Господи! Ритка! Девочка моя! — он целовал её лицо, волосы, смеясь как мальчишка. В груди разрывался настоящий фейерверк абсолютного, чистого счастья. Он чувствовал себя всемогущим.

— Пусти, сумасшедший, голова закружится! — смеялась она, крепко обнимая его за шею.

Кирилл не пустил. Бережно, словно она была сделана из самого хрупкого хрустала, он понес её из кухни в спальню, не переставая шептать о том, как сильно он её любит и какой невероятной будет их жизнь дальше.

В ту ночь в их доме не было места страхам и теням. Это была ночь чистого света.

Утро выдалось типично петербургским — за окном висела серая, морозящая хмарь, но внутри квартиры царило абсолютное тепло.

Кирилл стоял у кофемашины, уже одетый в строгий костюм, но пока без галстука. Когда Рита, кутаясь в пушистый халат, вошла на кухню, он развернулся и шутливо, но безапелляционно выставил перед собой ладонь.

— Так, гражданка будущая мать, попрошу минуточку внимания, — официально заявил он, подавая ей чашку свежесваренного чая. — Мною принято волевое решение. С сегодняшнего дня объявляется строгий мораторий на любые хозяйственные подвиги. Никаких уборок, готовок и мытья полов. Твоя единственная задача теперь — гулять, дышать свежим воздухом и заботиться о нашем наследнике. Я завтра же найму домработницу на полный день.

— Кирюш, ну я же не больная, я беременная! — со смехом возмутилась Рита, грея руки о горячую чашку. — Мне даже полезно двигаться.

— Двигаться будешь по бутикам и паркам, — отрезал Кирилл, нежно целуя её в макушку. — И, кстати, насчет движения. У тебя сегодня по плану автосервис. Съезди, пусть они полностью проверят твою машину. Особенно тормозные колодки — мне на прошлой неделе показалось, что они скрипят. Отгони к ребятам на окраину, где мы всегда обслуживаемся, они сделают всё по высшему разряду.

— Слушаюсь, мой генерал, — улыбнулась Рита.

Спустя пару часов она вырулила со двора своего элитного жилого комплекса. Дождь заметно усилился, превратившись в плотную водяную стену. Дворники ритмично, с легким скрипом смахивали воду с лобового стекла, но видимость всё равно оставляла желать лучшего.

Рита включила негромкую музыку, стараясь сосредоточиться на дороге, но привычная тревога, которую она вчера вместе с мужем так успешно прогнала, начала медленно, липкой змеей заползать обратно в душу. Она бросила мимолетный взгляд в зеркало заднего вида.

Сердце пропустило болезненный удар.

Сквозь пелену дождя и брызги из-под колес, ровно в двух машинах позади нее, ехал черный седан. Тот самый. Обычный, безликий, с наглухо тонированными стеклами. Рита сглотнула вязкую слюну. Она специально свернула в узкий переулок, удлиняя маршрут — седан повернул следом. Выехала на проспект — он всё еще был там, держа ровную дистанцию.

«Господи, надо было соглашаться на того огромного телохранителя», — с отчаянием подумала она, до побеления костяшек вцепившись в оплетку руля. Страх холодными мурашками побежал по спине. Но на очередном светофоре черный автомобиль вдруг мигнул поворотником и растворился в потоке встречных машин, уходя на эстакаду.

Рита шумно, прерывисто выдохнула. Возможно, это всё-таки просто совпадение. Таких машин в Питере тысячи. Нельзя поддаваться панике, особенно сейчас, когда внутри нее зародилась новая жизнь.

Добравшись до автосервиса, она оставила ключи угрюмому мастеру-приемщику, который бегло осмотрел автомобиль и пообещал, что всё будет готово только к раннему вечеру. Делать было нечего. Вызвав такси, Рита отправилась в ближайший крупный торговый центр, чтобы убить время и заодно отвлечься.

Огромный молл гудел голосами тысяч людей. Яркий свет витрин, музыка из динамиков и бесконечные ряды бутиков подействовали как хорошее успокоительное. Рита несколько часов бродила по этажам. Она даже не удержалась и зашла в детский отдел, купив крошечные, забавные пинетки нейтрального желтого цвета и спрятав их на самое дно фирменного бумажного пакета.

К обеду ноги начали гудеть от усталости. Рита решила передохнуть и направилась в сторону фуд-корта, где находилась её любимая кофейня.

Она шла по широкой, сверкающей галерее, лавируя в плотной толпе покупателей. До спасительного столика с кофе оставалось всего несколько метров, когда идущая навстречу девушка — высокая, в стильном бежевом плаще, лицо которой скрывали широкие поля модной осенней шляпы, — внезапно вильнула в сторону.

Удар был неожиданным и сильным. Девушка жестко столкнулась с Ритой плечом.

— Ой! — Рита не удержала равновесие. Бумажные пакеты выскользнули из рук и с громким шуршанием полетели на скользкий кафельный пол. Вещи рассыпались.

— Извините, — глухо, даже не поднимая головы, бросила незнакомка и, не останавливаясь ни на секунду, быстро зашагала дальше, растворяясь в людском потоке.

— Ничего страшного... — пробормотала Рита, наклоняясь, чтобы собрать разлетевшиеся покупки.

Она потянулась к выпавшему пакету с пинетками и внезапно замерла. Рука так и повисла в воздухе.

Вместе с потоком воздуха от стремительно прошедшей мимо девушки на Риту обрушился запах. Сладковатый, удушающий цветочный парфюм.

Кровь мгновенно отхлынула от лица Риты, в ушах зазвенело. Ошибиться было невозможно. Это были те самые духи. Тот самый вьедливый, пугающий аромат, которым несколько дней назад пропахла её наглухо запертая прихожая.

Она резко вскинула голову, судорожно вглядываясь в людское море. Сердце билось где-то в горле, перекрывая кислород.

— Стойте! — хрипло крикнула она, вскакивая на ноги и забыв про разбросанные вещи.

Но бежевый плащ и широкая шляпа уже бесследно исчезли, поглощенные равнодушной, спешащей толпой торгового центра. Рита осталась стоять посреди сверкающей галереи, дрожа всем телом. Леденящее душу осознание накрыло её с головой: это не паранойя. Та, кто тайно проникал в её дом, только что прошла в одном сантиметре от нее.

Дождь не прекращался, превратив город в серую, размытую акварель.

Рита сидела в салоне такси, возвращаясь в автосервис на окраине города. Её трясло. После той страшной встречи в торговом центре она забежала в туалет, закрылась в кабинке и долго умывалась ледяной водой, пытаясь унять колотящееся сердце и подкатывающую тошноту. В носу до сих пор стоял этот приторный, удушающий цветочный запах.

Мастер выгнал её машину из бокса и дежурно улыбнулся, вытирая руки ветошью.

— Всё проверили, Маргарита Николаевна. Ходовая в норме, колодки идеальные, тормозную жидкость долили. Машина как швейцарские часы. Катайтесь смело.

— Спасибо, — глухо отозвалась Рита, забирая ключи.

Сев в прогретый салон своего кроссовера, она тут же заблокировала все двери. Ей хотелось позвонить Кириллу, услышать его уверенный, спокойный голос, но она знала, что у него сейчас важнейшее совещание совета директоров. Он отключил личный телефон еще час назад.

Оставалась Алена. Рита набрала номер подруги по громкой связи.

— Да? — голос Алены звучал хрипло и жалко, на фоне слышалось прерывистое всхлипывание.

— Аленка, ты плачешь? Олег так и не объявился?

— Нет... — подруга снова громко всхлипнула. — Телефон недоступен. Я тут одна в этом огромном загородном доме, схожу с ума от мыслей. Рит, я так больше не могу...

Решение пришло мгновенно.

— Так, вытирай слезы. Ставь чайник. Я сейчас приеду к тебе на дачу.

— В такую погоду? Рит, там на трассе ливень стеной, может, не стоит?

— Стоит, — твердо сказала Рита, вырulingивая со стоянки автосервиса. — Мне самой сейчас жизненно необходимо не быть одной. Ален... со мной сегодня произошло кое-что страшное. Я должна тебе рассказать. Жди, буду минут через сорок.

Она выехала на загородную трассу. Дождь хлестал по лобовому стеклу так сильно, что дворники, работающие на максимальной скорости, едва справлялись. Небо потемнело, сливаясь с мокрым, блестящим асфальтом.

Рита ехала в левом ряду, крепко сжимая руль. Скорость была около девяноста километров в час — поток двигался плотно.

Впереди, сквозь пелену дождя, зажглись красные стоп-сигналы. Огромная фура-лесовоз, шедшая перед ней, начала резко оттормаживаться из-за сужения дороги из-за ремонта.

Рита привычным движением перенесла ногу с педали газа на тормоз и плавно нажала.

Ничего не произошло.

Она моргнула, не веря своим ощущениям, и нажала сильнее. Педаль тормоза мягко, без малейшего сопротивления, ушла в самый пол. Автомобиль не сбросил ни одного километра скорости.

— Нет, нет, нет... — прошептала Рита.

Красная корма фуры стремительно, пугающе быстро надвигалась на неё. Паника железным когтем вцепилась в горло. Рита начала судорожно, раз за разом, бить ногой по педали, пытаясь прокачать тормоза, но она болталась пустой, бесполезной железкой.

Стрелка спидометра застыла на отметке девяносто. До фуры оставалось меньше тридцати метров.

Дикий, нечеловеческий крик вырвался из груди Риты. Инстинкт самосохранения заставил её инстинктивно схватиться одной рукой за живот — пытаясь защитить крошечную жизнь внутри себя. Другой рукой она отчаянно рванула руль вправо, пытаясь уйти от столкновения с лесовозом на обочину.

На мокрой трассе машину мгновенно занесло. Тяжелый кроссовер потерял управление, его закрутило волчком. Мир за окном превратился в безумную карусель из серых деревьев, дождя и встречных фар.

В переговорной комнате на двадцать пятом этаже бизнес-центра царил идеальный порядок и тишина. Вице-президенты внимательно слушали доклад финансового аналитика, выводившего графики на огромный плазменный экран.

Кирилл сидел во главе стола из черного мрамора. Он был собран, сосредоточен и абсолютно спокоен. Внутри него всё еще разливалось то самое тепло, которое он увез с собой из дома сегодня утром. Он будет отцом. Эта мысль давала ему колоссальную энергию, заставляя смотреть на цифры контрактов совершенно иным, уверенным взглядом человека, строящего империю для своего наследника.

Тишину нарушил резкий, настойчивый стук в дверь.

Кирилл недовольно нахмурился. Он категорически запрещал прерывать совет директоров. Двери приоткрылись, и в переговорную вошла Оксана. Лицо секретарши было серым, губы тряслись, а в глазах стояли слезы. Она даже не извинилась перед присутствующими, а

прямиком направилась к Кириллу, держа в вытянутой руке его личный телефон, который он оставлял в приемной.

— Оксана, что за срочность? — строго спросил Кирилл, но, увидев её лицо, запнулся.

— К-кирилл Дмитриевич... — голос девушки сорвался на всхлип. — Вам звонят. Это из полиции. Трасса... авария.

Воздух в переговорной внезапно стал густым, вязким. Кирилл медленно, словно во сне, поднялся из своего кресла. Он взял трубку.

— Слушаю.

Человек на другом конце провода говорил сухим, профессиональным тоном. Он назвал марку машины. Назвал номера. Назвал имя владельца по документам, найденным в салоне. И произнес последнее, самое страшное слово. Несовместимые с жизнью.

Кирилл стоял у панорамного окна. Он смотрел на серый, мокрый от дождя Петербург далеко внизу. Графики на плазменном экране продолжали светиться, кто-то из вице-президентов испуганно вскочил со стула, Оксана закрыла лицо руками.

Но для Кирилла этот мир перестал существовать. Смартфон выскользнул из его ослабевших пальцев и с оглушительным треском разбился о черный мраморный пол. В этот момент душа Кирилла — живая, любящая, полная надежд — умерла вместе с его женой на мокрой трассе, уступая место звенящей, выжженной пустоте, которая теперь была готова впустить в себя любую тьму.

ГЛАВА 6. Июнь. 1959 Год. Румыния, Сибиу

Глухой стук комьев земли о деревянную крышку гроба отдавался в висках Раду монотонным набатом. Июньское солнце немилосердно выжигало старое городское кладбище Сибиу, но тринадцатилетний мальчик в плотном черном костюме не чувствовал жары. Внутри него всё заледенело.

Он стоял у края свежей могилы, глядя, как могильщики деловито закапывают его единственную опору в этом мире.

Рядом с Раду, опираясь на трость, стоял дядя Богдан — младший брат его погибшего отца. Богдан был тучным, рано поседевшим мужчиной с глубокими тенями под глазами. Всю церемонию он то и дело вытирал клетчатым платком вспотевшую шею и нервно оглядывался, словно ожидал удара в спину.

Когда холмик земли был сформирован, а жидкая процессия из пары дальних родственников и соседей потянулась к выходу с кладбища, Богдан положил руку на плечо племянника. Пальцы дяди были холодными и влажными.

— Пойдем, Раду. Нам нужно поговорить без лишних ушей.

Они отошли в глухую тень вековых раскидистых лип. Богдан долго молчал, комкая в руках свой платок, а затем тяжело вздохнул, глядя мальчику прямо в глаза.

— Раду, ты уже взрослый. Ты должен понимать, что оставлять тебя одного с больной бабкой в этом доме нельзя. И дело не только в опеке.

Богдан понизил голос до хриплого шепота, в котором отчетливо сквозил застарелый, въевшийся под кожу страх.

— Твой отец был первенцем. Старшим сыном. Он должен был стать Хранителем нашего дома, но погиб. Эта ноша вернулась к деду. По законам нашей крови, Раду, теперь этот дом и то, что в нем скрыто — твое бремя. Но ты еще слишком мал, чтобы удержать эту тьму. Поэтому в конце недели я с женой и дочерью переезжаю в Сибиу. До твоего совершеннолетия Хранителем подвала буду я.

Раду вскинул голову. Слова дяди эхом совпали с тем вибрирующим шепотом, который он слышал ночью сквозь толстые доски.

— Что там, дядя Богдан? — голос мальчика прозвучал неестественно ровно и требовательно. — Дед так и не успел мне рассказать.

Богдан затравленно оглянулся на покосившиеся кресты, словно мертвецы могли их подслушать.

Легенда, передаваемая в их семье веками, ложилась на язык свинцом.

— Пятьсот лет назад наш далекий предок, знатный вельможа, связался с нечистой силой. Эти демоны свели его с ума. Они поселились в двух картинах, которые он хранил в своем замке. Холсты завладели его разумом, требуя крови. Они заставляли его похищать и убивать невинных младенцев, чтобы кормить их алчность. Когда правда вскрылась, крестьяне сожгли его заживо.

Богдан снова вытер лоб, тяжело дыша.

— Нашей семье чудом удалось спасти эти проклятые полотна от огня, но уничтожить их обычным способом нельзя — они не горят и не рвутся. Тогда наши предки обернули эти картины святым льняным полотном, повесили на них мощные защитные амулеты, освященные кровью мучеников, и заколотили в ящики из мореного дуба, запечатав их магическими рунами. С тех пор наш род стал тюремщиком для этих тварей. Мы охраняем их сон, чтобы они никогда больше не смогли посмотреть в глаза живому человеку и завладеть его душой. Если эти печати сорвать, Раду... они снова начнут убивать.

Дядя Богдан положил руку на голову племянника.

— Вот почему я должен переехать. Твоя душа еще не окрепла. Они почувствуют твою слабость и сведут тебя с ума, как нашего предка. Мы заколотим дверь в подвал намертво. Ты меня понял?

Раду медленно, послушно кивнул. Лицо мальчика оставалось абсолютно бесстрастным маской скорбящего сироты, но глубоко внутри, под ребрами, уже разливалось странное, горячее, пульсирующее тепло, а в ушах всё громче шелестел ласковый, гипнотический женский голос, обещающий ему великую силу, если он только снимет печати.

Ночь опустилась на Сибиу душным покрывалом. В старом каменном доме семьи Жванеч стояла оглушительная, мертвая тишина, прерываемая лишь мерным тиканьем напольных часов в коридоре да раскатистым храпом дяди Богдана, доносящимся из гостевой спальни.

Раду лежал в своей постели с открытыми глазами.

Он честно пытался уснуть. Пытался поверить в страшный рассказ дяди о кровожадных демонах и древнем проклятии. Его разум, воспитанный строгой матерью-учительницей, отчаянно цеплялся за логику и страх. Но в его памяти, вытесняя все логические доводы, раз за разом всплывало то странное, живое тепло, исходившее от деревянных ящиков. Он снова и снова чувствовал под ладонью пульсацию скрытых сердец.

А главное — голос.

Сначала это был лишь далекий, неясный шелест на границе сознания. Но с каждым часом, проведенным в темноте спальни, голос становился всё громче, всё отчетливей. Он больше не пугал. Он обволакивал, убаюкивал, заполнял ту зияющую, болезненную пустоту, которая осталась в душе мальчика после смерти родных. Голос нашептывал ему о силе. О власти. О том, что он, Раду, не жалкий сирота, а избранный. Единственный, кто достоин прикоснуться к вечности.

Густая тьма медленно, но неотвратимо поднималась со дна его неокрепшей души, затапливая остатки совести и страха. Тьма требовала действий.

Раду моргнул. Голос в голове отдал четкий, ясный приказ, и мальчик наконец понял, чего от него хотят.

Дядя Богдан был угрозой. Завтра он заколотит подвал гвоздями, закроет доступ к этому пьянящему теплу и навсегда лишит Раду его новой, истинной семьи. Этого нельзя было допустить.

Мальчик бесшумно, словно кошка, спустил босые ноги на прохладный паркет. Тенью выскользнув из своей комнаты, Раду прошел на кухню и уверенной рукой снял с магнитного держателя длинный, узкий нож для разделки мяса. Холодная сталь тускло блеснула в свете луны.

Он двинулся к гостевой спальне. Половицы старого дома, которые обычно скрипели под любым весом, под его босыми ногами не издали ни звука. Раду приоткрыл дверь.

Богдан спал на спине, раскинув руки. Лунный свет выхватывал его потное, усталое лицо и вздымающуюся грудную клетку.

Раду подошел вплотную. В его душе не дрогнула ни одна струна. Никаких сомнений, никакой жалости. Охваченный, гипнотическим трансом, направляемым чужой многовековой волей, тринадцатилетний мальчик занес нож обеими руками.

Удар был коротким, страшным и хирургически точным.

Узкое лезвие с влажным хрустом вошло прямо под ребра, пронзив сердце спящего мужчины. Богдан даже не успел закричать. Его тело судорожно выгнулось дугой, глаза распахнулись в предсмертном, слепом ужасе, а изо рта вырвался лишь глухой, булькающий хрип. Раду навалился на рукоять всем своим небольшим весом, пригвождая дядю к кровати, пока судороги не прекратились, и грузное тело не обмякло навсегда.

Выдернув окровавленный нож, мальчик равнодушно вытер лезвие о простыню. Дело было сделано. Путь свободен.

Бросив нож на пол, он развернулся и побежал в кабинет деда. Кованый ключ с волчьей пастью мягко провернулся в скважине. Тяжелый шкаф сдвинулся в сторону.

Схватив лежащий в углу железный гвоздодер, он подошел к ближайшему саркофагу. Древние доски жалобно затрещали, когда мальчик с недетской, маниакальной силой всадил металлическое жало под крышку и рванул на себя. Заржавевшие гвозди со скрежетом вышли из пазов.

Крышка рухнула на каменный пол.

Внутри саркофага лежал холст, плотно обернутый пожелтевшей льняной тканью. Поверх ткани крест-накрест лежал массивный серебряный амулет на тонкой цепи. От него исходило слабое, едва уловимое свечение, которое вызывало у Раду инстинктивное отторжение.

Не задумываясь ни на секунду, мальчик сорвал амулет и с отвращением отшвырнул его в темный угол подвала. Следом полетела ветхая льняная ткань, рассыпаясь в руках от старости.

Избавленная от оков векового плена, картина явила себя миру.

Раду замер, перестав дышать. Из массивной рамы, сквозь мрак слабо освещенного подземья, на него смотрела женщина. Она была не просто красивой — её красота была величественной, хищной и неземной. Копна темных волос, аристократические скулы и глаза... Её невероятные, светящиеся во тьме изумрудные глаза смотрели прямо на Раду. В этом взгляде была абсолютная, подавляющая власть и леденящая вечность.

Тепло, исходившее от холста, окутало мальчика с ног до головы, словно мягкий бархат. Голос в голове стих, сменившись абсолютным, фанатичным покоем.

Раду опустился на колени на холодный каменный пол. Не отрывая замороженного взгляда от зеленых глаз на картине, тринадцатилетний убийца склонился в низком, почтительном поклоне.

— Я сделаю всё, что прикажет моя госпожа, — прошептал он в темноту, навсегда скрепляя этот кровавый договор.

ГЛАВА 7. Октябрь. 1492 года. Румыния долина реки Олт

Первые дни октября принесли в Карпаты обманчивую красоту. Листва вековых буков и дубов вспыхнула медью и золотом, скрывая под своим роскошным ковром суровую, смертоносную природу этих гор.

Шафранка шла уже пятые сутки.

Она держала путь вниз по ущельям, ориентируясь на глухой, неумолимый гул реки Олт. Свинцовые, ледяные воды этой могучей артерии были её единственным спасением — река не давала ей умереть от жажды и заглушала хруст веток под ногами. Но каждый шаг давался ведьме с нечеловеческим трудом.

Бархатное платье, некогда поражавшее своей роскошью слуг в замке на Пике Ому, превратилось в грязные лохмотья. Колючий кустарник разодрал подол в клочья, а тонкие шелковые туфли давно развалились, оставив ступни изодранными в кровь об острые камни и корни деревьев.

Но физическая боль была ничем по сравнению с тем грузом, который она тащила на себе. Два тяжелых деревянных подрамника, плотно замотанные в скатерть, оттягивали плечи, нережая на коже глубокие, кровоточащие борозды. Живот — уже заметно округлившийся, хранящий в себе последнее семя Луческу — тянул к земле, отзываясь тупой, ноющей болью при каждом резком движении.

По ночам, когда солнце скрывалось за острыми пиками гор, Карпаты дышали равнодушным холодом. Шафранка зарывалась в кучи прелых листьев, дрожа так сильно, что стучали зубы, и прижимала к себе картины, пытаясь согреться остаточным, едва уловимым теплом, исходившим от портрета мужа.

Голод сводил с ума. Аристократка, привыкшая к жареному мясу и густому вину, теперь с жадностью выкапывала сломанными ногтями сырые коренья, ела терпкие, вяжущие рот ягоды дикого терна и жесткие грибы. Желудок сводило спазмами, но она заставляла себя глотать эту горькую пищу, понимая, что должна выжить любой ценой.

С каждым днем силы покидали её, а разум, истощенный горем и голодом, начал давать трещины.

В шуме речных перекатов ей стал чудиться яростный, многоголосый рев крестьянской толпы. Стоило ветру завывать в верхушках сосен, как Шафранке казалось, что это лают охотничьи псы инквизиции, пущенные по её следу. По ночам тени от деревьев оживали, превращаясь в фигуры с вилами и факелами.

Но страшнее всего были воспоминания. Закрывая глаза, она снова и снова видела Шандора, привязанного к столбу. Чувствовала тошнотворный, сладковатый запах его горячей плоти. Видела, как пламя пожирает его лицо в тот самый миг, когда он смотрел на свой портрет в её руках. Отчаяние и горе сжимали её горло стальной хваткой, вырывая из груди хриплые, звериные рыдания, которые тонули в шуме бурлящей реки Олт.

На шестые сутки лес начал сужаться. Небо затянуло сизыми тучами, заморосил мелкий, колючий осенний дождь, мгновенно пропитавший остатки её платья холодной влагой.

Шафранка сделала еще один нетвердый шаг и споткнулась о склизкий, поросший мхом валун. Ноги, давно переставшие её слушаться, подкосились. Она рухнула на влажную землю, инстинктивно сгруппировавшись так, чтобы не повредить живот и бесценные холсты за спиной.

Попыталась опереться на ободранные в кровь ладони и встать, но руки просто разъехались в грязи. Тело отказалось повиноваться. Дыхание сорвалось на жалкий, прерывистый свист. Холодная, влажная земля показалась ей вдруг невероятно мягкой и убаюкивающей.

Шафранка медленно опустила щеку на мокрые осенние листья. Перед глазами поплыли темные круги, шум реки начал отдаляться, превращаясь в глухой гул. Одинокая, изможденная и сломленная, она погрузилась в спасительную, плотную темноту, уже не надеясь когда-нибудь снова открыть глаза.

Возвращение из небытия началось с запаха. Пахло дымом сосновых дров, сухой ромашкой и овечьей шерстью.

Шафранка с трудом разлепила веки. Вместо холодного осеннего неба она увидела низкий, закопченный потолок крестьянской избы. Она лежала на жесткой деревянной лавке, укрытая грубым, но невероятно теплым овчинным тулупом. Первым инстинктивным движением она ощупала свой живот — ребенок был на месте, медленно ворочаясь внутри. Вторым движением она попыталась нащупать картины.

— Они здесь, госпожа, в безопасности, — раздался тихий женский голос.

К лавке подошла молодая женщина. На вид ей было не больше двадцати пяти, но суровый крестьянский быт уже оставил на её лице глубокие следы. Женщина была бледна, а её глаза воспалились и покраснели от долгих бессонных ночей.

— Мой муж, Петру, нашел вас в лесу у реки, — продолжила она, смачивая тряпицу в холодной воде и осторожно прикладывая её к горячему лбу Шафранки. — Вы проспали двое суток. Я Марта. Выпейте отвар, он вернет вам силы.

Шафранка послушно сделала несколько глотков терпкого, горячего напитка. Она внимательно, по-кошачьи изучала Марту. Отведя взгляд, ведьма вдруг услышала то, чего не заметила сразу — из темного угла избы доносился сухой, надрывный, лающий кашель.

Марта вздрогнула, услышав этот звук, и по её щеке покатились одинокая слеза, которую она тут же смахнула огрубевшей рукой. Она бросилась в угол, где на такой же жесткой лавке лежал пятилетний мальчик. Его лицо пылало неестественным, багровым румянцем, а грудная клетка ходила ходуном, с трудом втягивая воздух.

Шафранка приподнялась на локтях. Её тело ломило от слабости, но разум, почувствовав чужую уязвимость, мгновенно включился в работу. Она узнала эту болезнь. Болотная гниль. Смерть придет за этим ребенком не позже, чем на закате следующего дня.

Ближе к вечеру в избу вошел Петру — высокий, широкоплечий крестьянин с угрюмым, потемневшим от горя лицом. Он принес охапку дров, молча кивнул спасенной гостье и подошел к жене, обняв её за вздрагивающие плечи.

Дождавшись, когда Марта, обессилевшая от слез, выйдет во двор за водой, Шафранка подозвала хозяина дома.

— Твой сын умирает, Петру, — её голос, несмотря на слабость, прозвучал холодно и хлестко, как удар кнутом.

Крестьянин замер. Его руки, опущенные вдоль тела, сжались в огромные кулаки.

— Знаю, — глухо ответил он, глядя в пол. — Местный поп сказал готовить доски для гробика. Говорит, на всё воля Божья.

— Боги слепы, а попы — глупцы, — усмехнулась Шафранка, неспешно опускаясь на лавку. — На что ты готов ради спасения своего семени?

Петру медленно поднял на нее глаза. В них плескалось такое концентрированное, черное отчаяние, что ведьма удовлетворенно улыбнулась.

— На всё, — прохрипел крестьянин. — Я готов умереть. Готов убить. Этот мальчик... Марта не выживет, если он уйдет. Мы молили о нем пять лет. Роды были такими сложными, что повитуха сказала: больше детей у нас не будет. Он все что у нас есть. Если он умрет...- Петру осекся не в силах закончить мысль.

— Мне не нужна твоя смерть, — глаза Шафранки вспыхнули дьявольским огнем. — Великая магия строится на строгом балансе. Жизнь покупается только за жизнь. Отведи меня вглубь леса, туда, где Марта нас не найдет. А затем... ты пойдешь в соседнее поселение и принесешь мне плату. Другого ребенка.

Петру пошатнулся, словно его ударили обухом по голове. Осознание того, что именно предлагает ему эта жуткая женщина, обрушилось на него каменной глыбой. Отнять чужое дитя, чтобы спасти свое. Перешагнуть черту, из-за которой не бывает возврата. Он смотрел на Шафранку, почти не дыша, но стоило ему услышать очередной страшный, булькающий кашель сына из угла комнаты, как остатки человеческой морали рухнули в бездну.

— Я сделаю это, — его голос был мертвым.

Темной, безлунной ночью Петру отвел ослабевшую Шафранку в глухую лесную чащу, в двух милях от дома. По её указке он развел костер и помог собрать редкие, напитанные осенней влагой корни и травы. Оставив ведьму у огня, он растворился в темноте.

Шафранка ждала, бездумно глядя в пламя. Она знала, что он вернется. Отчаяние — лучший поводок для человека.

Спустя несколько часов в кустах хрустнула ветка. Петру вышел к костру. На его руках, укутанный в грязный мешок, спал ребенок лет четырех. Крестьянин украл его из крайней нищей лачуги в соседней деревне, где семеро детей спали на земляном полу, а уставшая мать даже не проснулась.

Лицо Петру было серым, как пепел. Он молча положил спящего ребенка на землю перед ведьмой и отвернулся, не в силах смотреть на то, что должно произойти.

— Смотри, — властно приказала Шафранка. — Смотри, Петру. Если отвернешься, твой сын умрет. Мы делим этот грех поровну.

Крестьянин медленно повернулся. Его трясло.

Шафранка, преодолевая боль в беременном животе, склонилась над чужим ребенком. Она не испытывала ни жалости, ни сомнений. Быстрым, отработанным движением она достала короткий клинок, спрятанный в складках её изорванного платья.

Она принесла эту жертву не христианскому Богу. Она шептала слова на мертвом языке, обращаясь к тем же темным силам, что когда-то забрали душу её мужа. Алая кровь невинного дитя окропила собранные травы, зашипев на углях костра железным смрадом. Шафранка методично растерла окровавленные корни, заваривая их в котелке над огнем.

Спустя час они вернулись в дом. Марта забылась беспокойным сном у постели сына.

Шафранка, поддерживаемая Петру, подошла к умирающему мальчику. Она силой разжала его горячие губы и влила в рот несколько капель черного, густого отвара.

Остаток ночи прошел в напряженном молчании. А на рассвете произошло чудо. Дыхание мальчика выровнялось. Жуткий багровый румянец сошел с щек, уступив место здоровой бледности. Ребенок открыл глаза и слабым голосом попросил воды.

Марта, проснувшись, разрыдалась, целуя руки изможденной гостьи, свято веря, что она ангел, посланный им небесами.

Петру стоял в углу избы. Зная, какую цену он заплатил. Кровь чужого ребенка невидимым клеймом легла на его душу. В ту ночь он перестал быть просто Петру. Он стал рабом древнего зла, намертво, неразрывно связанным с родом Луческу самым прочным цементом в мире — общим, чудовищным преступлением. И Шафранка знала: теперь этот человек заберет её картины и понесет их хоть на край света.

ГЛАВА 8. Март. 2026 Год. Санкт-Петербург

Кирилл стоял у панорамного окна своего пентхауса и смотрел на мерцающую артерию Невского проспекта. Город внизу пульсировал жизнью, неонами и скоростью, но здесь, на высоте птичьего полета, царила абсолютная, стерильная тишина.

Квартира отражала своего хозяина. Дорогой минимализм, холодный монохром, ни одной лишней детали. Идеальное пространство для идеального механизма. Именно так Кирилл теперь себя и ощущал — безупречно отлаженной машиной по генерации прибыли. Он посещал советы директоров, заключал сделки,пил коллекционный виски, но внутри у него звенела пустая, глухая тишина. Он не чувствовал вкуса еды. Не чувствовал радости от побед. Не чувствовал даже боли. Он был просто пустой комнатой с выбеленными стенами и распахнутой настежь дверью.

Все началось три года назад, когда не стало Риты. Авария на мокрой трассе расколола его жизнь на «до» и «после». Вместе с искореженным металлом машины тогда смялась и погибла душа Кирилла. Оставшаяся оболочка попыталась залить этот вакуум алкоголем, а когда спирт перестал помогать — в ход пошли тяжелые наркотики. За год он скатился на самое дно, превратившись в бледную, трясущуюся тень некогда железного бизнесмена.

Именно тогда появилась Ника.

Окружающие шептались, что она совершила чудо, вытащив его с того света любовью и преданностью. Но Кирилл всё чаще ловил себя на мысли, что в её действиях не было ни капли жертвенности. Ника действовала не как любящая женщина, а как хладнокровный, расчетливый скульптор, который нашел кусок отличной, но испорченной глины. Она вычистила его, поместила в лучшую частную клинику, отгородила от старых связей и жесткой дрессурой вернула к работе. Она собрала его заново.

Первое время он был ей безмерно благодарен. Но в последние месяцы эта благодарность сменилась тихим, подкожным отторжением. Кирилл начал замечать то, от чего по спине ползли мурашки — «ошибки в её матрице». Ника, пытаясь стать для него идеальной, начала копировать Риту. Сначала это были мелочи: то, как она перехватывала чашку кофе двумя руками, то, как заправляла прядь волос за ухо, когда задумывалась. Но на прошлой неделе она рассмеялась — и это был не её смех. Это был точный, акустически выверенный смех его мертвой жены.

В тот момент Кирилл понял, что живет с манекеном. Ника пугала его своей искусственностью. Их отношения превратились в холодную войну, где она пыталась удержать абсолютный контроль над своим лучшим проектом, а он мечтал лишь о том, чтобы вырваться.

Кирилл отвернулся от окна и подошел к массивному дубовому столу. Выдвинув нижний ящик в поисках сигар, он вдруг наткнулся на вещь, которую не видел уже два года.

Толстый блокнот в черной кожаной обложке. Его дневник из рехаба.

Пальцы сами потянулись к потертой коже. Кирилл сел в кресло, чувствуя, как в груди закипает странная, беспричинная тревога.

Он помнил свои ломки в клинике. Бесконечные ночи, пропитанные липким потом и бредом. Он так отчаянно хотел, чтобы в тех галлюцинациях к нему пришла Рита, чтобы она забрала его с собой. Но Рита не приходила.

Вместо нее в углу палаты, там, где сгущались самые черные тени, каждую ночь появлялся кто-то другой. Мужчина в расшитом золотом багровом камзоле. Кирилл помнил его пронзительный, властный взгляд. Этот человек не пытался его напугать, не тянул к нему костлявые руки. Он просто стоял и смотрел. Оценивающе. По-хозяйски.

А затем багровый бархат камзола начинал медленно, жутко растворяться в полумраке, словно таял в воздухе. И на месте пугающего незнакомца из теней проступала Ника, которая преданно сжимала его руку, или заботливая тихая медсестра, приходившая поправить капель-

ницу, когда Ника уезжала по делам. Кирилл всегда считал это просто игрой воспаленного химией мозга — моментом перехода от наркотического кошмара к реальности.

Он сглотнул вязкую слюну и открыл блокнот на первой странице. В клинике психотерапевт заставлял его выписывать свои чувства. Но на пожелтевшей бумаге не было ни единого слова.

Весь лист был исчеркан острыми, ломаными линиями. Кирилл перевернул страницу. Потом еще одну. И еще.

Его дыхание сбилось. Все сто страниц дневника были маниакально, с нажимом, прорывающим бумагу, изрисованы одним-единственным символом. Сложной, пугающей руной, значения которой он не знал, но которая, казалось, въелась в самую подкорку его мозга. Он рисовал её сотни раз, находясь в наркотическом трансе, готовя для чего-то почву.

Тишину пентхауса разорвала строгая, деловая трель телефона. Кирилл вздрогнул, выныривая из липкого оцепенения, и снял трубку.

— Да, Вадим, — хрипло ответил он.

— Кирилл Дмитриевич, машина подана, — раздался в динамике безупречно вежливый голос его личного помощника. — Через сорок минут встреча с инвесторами в Сити. Вы спускаетесь?

— Да. Уже иду.

Кирилл медленно закрыл изрисованный блокнот, провел ладонью по лицу, стирая холодную испарину, и задвинул ящик стола. Пора было возвращаться в реальный мир.

Он вышел из кабинета в просторную, залитую холодным светом гостиную. Ника уже ждала его. На ней было безупречное шелковое платье, волосы идеально уложены. Она шагнула ему навстречу с дежурной, мягкой улыбкой, которая должна была изображать заботу.

— Ты сегодня поздно, — проворковала она, подходя вплотную.

Она потянулась к его галстуку, чтобы поправить узел. Кирилл внутренне сжался. Это был жест Риты. Ника даже скопировала то, как Рита чуть наклоняла голову и заправляла выбившуюся прядь за правое ухо. Эта выверенная, расчетливая подделка под его мертвую жену вызвала глухую тошноту.

Кирилл поднял глаза, собираясь сказать ей что-то резкое, но слова застряли в горле.

На какую-то долю секунды реальность перед ним дрогнула и пошла рябью. Дорогой современный шелк на Нике внезапно потемнел, превращаясь в кроваво-красную старинную ткань. Светлые, уложенные в салоне волосы почернели, рассыпавшись по плечам густыми, дикими волнами, а серые глаза вспыхнули пронзительным, хищным зеленым светом. На него смотрела женщина из другой эпохи. Невероятно красивая, властная и пугающая. На её губах играла чуть заметная, многообещающая полуулыбка, от которой по спине Кирилла пробежал могильный холод.

Он судорожно моргнул. Наваждение лопнуло с тихим звоном.

Перед ним снова стояла Ника. Её глаза испуганно расширились, когда она увидела, как исказилось лицо Кирилла. Она попыталась взять его за руку, её тонкие пальцы скользнули по его запястью.

Но Кирилл, всё еще находясь в шоке от увиденного и испытывая физическое отвращение к её фальши, резко вздрогнул. Он медленно убрал руку и посмотрел на нее.

В этом взгляде не было ни гнева, ни раздражения. В нем была абсолютная, звенящая пустота. Он смотрел на нее так, будто перед ним стоял манекен. Будто её вообще не существовало в природе. Ника побледнела, словно от пощечины.

— Мне пора, — сухо бросил он и, не оглядываясь, направился к выходу.

Выйдя на лестничную площадку, Кирилл шагнул в кабину скоростного лифта. Стеклопакеты бесшумно сомкнулись, отрезая его от пентхауса. Лифт плавно пошел вниз.

Кирилл прислонился затылком к прохладной зеркальной панели, пытаясь унять колотящееся сердце. «Пора в отпуск, — мелькнула лихорадочная мысль. — Галлюцинации возвращаются».

Внезапно яркий свет в кабине дрогнул и на секунду погас.

Воздух стремительно потяжелел. В стерильной кабине пахло старой пылью, жженым воском и слежавшимся бархатом. Свет снова вспыхнул. Кирилл открыл глаза, посмотрел прямо перед собой в зеркальные двери и перестал дышать.

Из зеркала на него смотрел не он.

Там стоял мужчина в расшитом золотом багровом камзоле. Его властный, пронизывающий насквозь взгляд был спокоен. Незнакомец чуть склонил голову, словно приветствуя Кирилла, и на его бледной шее мелькнула та самая ломаная руна из блокнота.

Свет снова мигнул.

Кирилл судорожно втянул воздух. В зеркале отражался только он сам — бледный бизнесмен в дорогом костюме, с расширенными от ужаса зрачками. Лифт мягко остановился на первом этаже, двери разъехались, впуская шум и свет вестибюля. Кирилл выскочил из кабины почти бегом, но где-то в глубине души он уже знал: тот, кого он видел в зеркале, никуда не исчез. Он спустился вместе с ним.

ГЛАВА 9. Март. 2026 Год. Ленинградская область.

Белый «Porsche Cayenne» выглядел в этой глуши как инопланетный корабль, застрявший в серой хтони Ленинградской области.

Ника крепче сжала руль, чувствуя, как кожа перчаток скрипит под пальцами. Перед глазами на мгновение всплыло лицо Ольги. Они сидели в кафе «Стрекоза» неделю назад. Панорамные окна выходили прямо на свинцовые воды Невы, в зале пахло дорогой выпечкой, свежемолотым кофе и благополучием — тем самым благополучием, которое сейчас ускользало от девушки сквозь пальцы.

Она бессмысленно ковыряла серебряной ложечкой нежнейший тирамису, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Напротив, сидела Ольга. Её рыжие волосы горели медью в лучах тусклого питерского солнца, на запястьях позвякивали золотые браслеты, а зеленые глаза смотрели с тем плотоядным сочувствием, на которое способны только «лучшие» подруги.

— Ты посмотри на себя, Ника, — Оля шумно отпила латте, оставив на чашке след от рубиновой помады. — Тени под глазами, плечи опущены. Кирилл твой совсем зазвездился. А вспомни, кто его по выставкам таскал? Кто имидж лепил, когда он еще в мятых пиджаках ходил? И что теперь?

— Теперь он смотрит сквозь меня, — голос Ники дрогнул. — Оль, мы живем в одном доме, как соседи. Позавчера я попыталась взять его за руку. Просто коснулась пальцев. А он... он вздрогнул, медленно убрал руку и посмотрел на меня так, будто я пустое место. Как будто перед ним не женщина, с которой он прожил три года, а не нужная вещь, которую просто забыли выкинуть. Я уверена, у него кто-то появился. Какая-нибудь молодая, голодная стерва.

— А я тебе что говорила? — торжествующе воскликнула Ольга. — Мужика надо держать в тонусе! Мужик — он как собака, слабину почует и всё, пиши пропало.

При этих словах Ника внутренне содрогнулась. Олины советы «держать в тонусе» уже стоили ей слишком дорого. Память тут же, помимо её воли, подкинула кошмарные воспоминания о поездке в Турцию полгода назад.

Тогда Ольга тоже сидела вот так, помешивая кофе, и убеждала: *«Проучи его! Возьми его безлимитную карту, махни отдохнуть на недельку. Пусть понервничает, пусть поймет, что может потерять тебя!»* Ника, разгоряченная обидой после очередной ссоры, так и сделала.

Ужас накрыл её прямо на ресепшене роскошного отеля. Девушка-администратор с дежурной улыбкой несколько раз провела черной картой Кирилла через терминал, а затем извиняющимся тоном произнесла: «Мне очень жаль, мадам, но ваша карта заблокирована». Ника тогда лишь нервно рассмеялась, решив, что это банковская ошибка. Она отошла в лобби, набрала номер Кирилла, но в трубке звучали лишь длинные гудки, которые затем сменились сухим голосом автоответчика. Он не просто заблокировал карту. Он отрезал её от своего мира.

Тогда, в Турции, паника нарастала с каждым часом. У нее не было с собой ни наличных, ни обратного билета. К вечеру её вежливо, но твердо попросили покинуть отель. Ника никогда не забудет эту ночь. Девушка, привыкшая к шелковым простыням и личному водителю, оказалась одна на чужой, пугающей улице. Она просидела до рассвета на жесткой каменной скамейке возле пляжа. Она плакала от страха, унижения и полного, абсолютного бессилия. Она была никем без его денег. Лишь на следующий день, ближе к обеду, заспанная Алёнка перезвонила ей и, ужаснувшись ситуации, перевела деньги на самый дешевый рейс до Питера.

После возвращения Кирилл даже не кричал. Он просто посмотрел на нее с брезгливостью и сказал: *«Еще одна такая выходка, и ты вылетешь на улицу без гроша»*. И она осталась. Проглотила гордость, потому что страх бедности оказался сильнее.

— Земля вызывает Нику! — Ольга щелкнула пальцами перед её лицом. — Ты чего зависла?

— Вспомнила твой прошлый совет, — огрызнулась Ника, сдерживая слезы. — Спасибо, Оль, я из-за твоих гениальных идей уже ночевала на турецкой лавочке в компании бродячих собак. Больше я его «проучивать» не буду. Он просто выкинет меня на помойку.

— Да подожди ты психовать! — Ольга понизила голос, наклонившись над столиком. — Я же не предлагаю тебе скандалить. Действовать надо тонко. Незаметно. Короче, тебе нужно к бабке Инге.

— Куда?

— К Инге. Это бабка одна, живет в деревне Глухой Бор. Час езды от города. Она такие вещи делает, Ника... У неё дар. Приворожит твоего Кирилла так, что он кроме тебя ни на одну юбку не посмотрит. Будет пылинки с тебя сдувать.

Ника недоверчиво хмыкнула и откинулась на спинку стула. — Приворот? Оля, ты в своем уме? Какой приворот, двадцать первый век на дворе! Мы в центре Питера сидим, а ты мне про бабок-колдуний в лесу рассказываешь. Это же сказки для отчаявшихся домохозяек! Шарлатанство, чтобы деньги выкачивать.

— Ах, шарлатанство? — зеленые глаза Ольги недобро блеснули. — А Алёнкиного Олега ты давно видела?

Ника замерла. Олега, мужа Алёны, знал весь их круг. Известный гуляка, который не пропускал ни одной симпатичной официантки и неделями не ночевал дома. Алёна из-за него чуть в клинику не загремела. Но последние пару месяцев Олега будто подменили.

— И что Олег? — осторожно спросила Ника.

— А то! — победно прошептала Ольга. — Ты же видела их на прошлой неделе на вечеринке. Он же от Алёнки на шаг не отходит. В глаза ей заглядывает, сумочку носит, каждую прихоть исполняет. Как побитый пес, честное слово! А всё почему? Потому что Алёнка в отчаянии к бабке съездила. Заплатила, конечно, прилично, но та ей какую-то травку дала или наговор сделала... И всё! Олега как подменили. Он теперь без Алёнки дышать боится.

Ника сглотнула. Образ Олега — властного, наглого бизнесмена, который внезапно превратился в покорного слугу своей жены, — отчетливо всплыл в памяти. Если магия существует... если это действительно работает...

Внутри Ники боролись здравый смысл и отчаянный, животный страх снова оказаться на той холодной скамейке у турецкого пляжа. Страх потерять свою красивую, сытую жизнь, ключи от которой находились в чужих руках.

— Думаешь, сработает? — почти шепотом спросила она, и в этом вопросе уже звучала капитуляция.

Ольга довольно улыбнулась, откидываясь на спинку стула, как сытая кошка. — Я не думаю, дорогая. Я знаю. Езжай в Глухой Бор. Только никому ни слова. Сделай это, Ника, или завтра на твоей половине кровати будет спать двадцатилетняя студентка, а ты поедешь к маме в хрущевку.

Эти слова стали последней каплей. Ника расплатилась за нетронутый десерт, вышла из кафе и села в свой белый «Porsche Cayenne». Включив навигатор, она вбила название деревни, которого никогда раньше не слышала.

«Только не обратно в нищету. Только не это», — стучало в висках, пока она выруливала на трассу, навстречу серому небу и сгущающимся туманам Ленинградской области.

Деревня встретила её плотным, почти осязаемым чувством неправильности. Едва машина съехала на разбитую грунтовку, Нику накрыла липкая тревога. Деревня не выглядела заброшенной, но казалась затаившейся. Серые избы, почерневшие от дождей, стояли вдоль дороги, словно стервятники, ожидающие, когда путник окончательно выбьется из сил.

Ника поймала себя на том, что прибавила громкость музыки, чтобы заглушить стук собственного сердца. Но стоило ей опустить стекло, чтобы спросить дорогу, как в салон ворвался запах гнили, застоявшейся воды и горькой полыни.

Местные жители вели себя пугающе. Старик у колодца бросил ведро и захромал во двор, яростно задвинув засов. Две женщины в темных платках синхронно отвернулись, а одна быстро закрестилась, уводя ребенка с не по-детски пустым взглядом.

— Боже, куда я попала... — прошептала Ника, чувствуя, как вспотели ладони. Ей казалось, что деревня хочет её вытолкнуть, пережевать и выплюнуть обратно на шоссе.

Лишь местный дурачок — нелепый парень с бельмом на глазу — остался сидел на обочине. Когда Ника приоткрыла окно, он криво усмехнулся и махнул рукой в сторону самого края леса.

— К ведьме?.. — просипел он звуком, напоминающим хруст ломаемых веток. — Туда, туда...

Дом ведьмы стоял особняком. Мощные темные бревна казались железными. Ника вышла из машины, и стук её каблучков по утопанной земле прозвучал как выстрел в этой мертвой тишине. Она толкнула деревянную дверь, которая открылась совершенно бесшумно.

Внутри её встретил полумрак и густой, дурманящий аромат. Это был запах сухих трав, старой пыли и странный, металлический привкус, от которого на языке стало горько — так пахнет свежая кровь.

— Входи, — голос раздался из глубины.

Он не был скрипучим или слабым. Это был голос, обладающий пугающей массой — низкий, рокошущий, как отдаленный гром или гул земли перед землетрясением. От него у Ники заложило уши, а внутри всё сжалось в тугий узел.

Навстречу ей вышла женщина, и Ника замерла, пораженная. Это была не сельская бабка, а изысканная, пугающе величественная женщина. Высокая, стройная, в длинном платье из черного шелка, которое не издавало ни звука при ходьбе. Её седые волосы, отливающие сталью, были собраны в безупречный пучок. Но взгляд... изумрудно-зеленые, лишенные возраста глаза смотрели не на Нику, а сквозь неё. Казалось, этот взгляд — невидимый скальпель, который без труда вскрывает ребра и копается в самых грязных тайниках её души.

Ведьма медленно подняла руку, приглашая Нику пройти. Руки её были произведением искусства и ужаса одновременно: изящные, с длинными «паучьими» пальцами, покрытыми сетью тонких морщин, как пергамент. На указательном пальце тускло мерцал массивный серебряный перстень с черным камнем, внутри которого, казалось, шевелилось что-то живое. На другом — кольцо в виде змеи, кусающей себя за хвост, с крохотными рубинами вместо глаз.

— Зачем пришла? — Инга сделала шаг вперед, и Ника невольно отступила, чувствуя исходящий от женщины холод.

— Мне... мне сказали, вы можете помочь, — голос девушки сорвался на писк. — Мой мужчина... он охладел. Я хочу вернуть его. Любой ценой.

Ведьма молча указала на дверь в глубине дома. Комната, куда они вошли, напоминала анатомический театр и мастерскую безумного художника одновременно. Стены были завешаны пучками сухих трав, похожих на когтистые лапы птиц. Повсюду стояли зеркала — десятки зеркал разных форм, занавешенные выцветшим бархатом. Единственное открытое зеркало в массивной раме стояло в углу, но в нем не отражалась комната — оно лишь поглощало свет, оставаясь мутной черной дырой. На столе среди алхимических колб и старых костей лежали стопки пожелтевших эскизов, на которых были изображены люди в муках.

— Показывай его, — велела Инга.

Ника дрожащими руками расстегнула сумку и достала фотографию. Это было не случайное селфи, а глянцевый студийный портрет, который Кирилл делал для бизнес-журнала. На снимке он сидел в строгом костюме. Его лицо наполовину скрывала тень, а во взгляде читалась жесткая доминантность — взгляд хищника.

Старуха взяла снимок. Стоило ей взглянуть на фото, как воздух в комнате загустел, став почти твердым. В глазах ведьмы вспыхнул яростный, голодный свет.

И вдруг реальность для Ники треснула. Стены исчезли. На мгновение она увидела роскошную террасу замка, залитую багровым закатным солнцем. Там стояла Инга — молодая, с кожей цвета слоновой кости. Она смеялась, откинув голову, а её обнимал мужчина в старинном расшитом камзоле. Он повернулся, и Ника едва не вскрикнула: это был Кирилл. Её Кирилл! Тот же разворот плеч, те же не покорные волосы цвета сажи, но его взгляд был жестким, бездонным и абсолютно беспощадным. Он прижал Ингу к себе и поцеловал её в шею — прямо там, где сейчас у старухи была повязана черная лента.

Видение схлопнулось. Ника пошатнулась. Ведьма внимательно смотрела на нее, сжимая фотографию так сильно, что костяшки побелели.

— Приворот не поможет, — отрезала она, и её голос теперь звучал как скрежет металла по камню. — На нем защита. Древняя кровь течет в его венах, она сильнее моих трав. Ты хочешь обуздать океан чайной ложкой, дурочка.

— Что же мне делать? — девушка почти рыдала, её холёный мир рушился. — Я всё отдам! Я не могу без него... без его денег, без этой жизни! Я столько в него вложила!

Старуха медленно, с наслаждением обвела Нику взглядом, в котором читалось неприкрытое презрение. Её пальцы с перстнями неспешно забарабанили по столу.

— Выбирай, девочка. Тебе нужна его душа? Ты готова делить с ним любовь в нищете и забвении, лишь бы он смотрел на тебя с нежностью? Или тебе нужно его тело, его золото и власть над ним, как над безвольной куклой?

Ника выпрямилась. Страх на мгновение отступил, вытесненный холодной, расчетливой жадностью. Она вспомнила унижение в аэропорту и пустой кошелек. — Мне не нужны «розовые сопли», — твердо произнесла она, глядя прямо в черные провалы глаз ведьмы. — Я хочу, чтобы он был моей собственностью. Чтобы он делал то, что я скажу. Чтобы он никогда не смог меня прогнать.

Старуха медленно улыбнулась. Это была страшная, хищная улыбка, обнажающая слишком ровные, жемчужно-белые зубы, которые никак не могли принадлежать старухе.

— Тогда слушай. Приворот — это забава для крестьянок. Тебе нужен Шандор Луческу. Его автопортрет. Когда-то он вложил в этот холст больше, чем просто краски. Он вложил туда право на возвращение. Если этот человек будет смотреть в глаза портрету каждый день, его воля вытечет, как вода из разбитого кувшина. Он станет пустым сосудом. А ты — его единственной хозяйкой.

— Где мне найти эту картину? — в глазах Ники загорелся лихорадочный блеск.

Ведьма подошла к столу, её узкая кисть скользнула по пожелтевшей бумаге, оставляя быстрые, острые штрихи.

— Румыния. Город Сибиу. Там, в тени старых соборов, живет человек по имени Миха Жванеч. Торговец редкостями, чьи руки по локоть в пыли веков. Скажешь, что ты от меня. Он отдаст картину... за свою цену.

Она сделала шаг к Нике, и та невольно вжалась в дверной косяк. Инга наклонилась к самому её уху, и Ника почувствовала запах озона и старого склепа.

— Но запомни: ты не должна дарить ему этот портрет. Он сам должен его увидеть. Сам должен захотеть. Замани его, обмани, используй его слабости против него самого. Если подаришь — связь порвется, и картина заберет тебя вместо него. Ты поняла?

Ника схватила бумажку с адресом, почти вырывая её из пальцев ведьмы. Она уже не видела ни деревни, ни старухи. Она видела, как Кирилл, покорный и тихий, подписывает счета, как он смотрит на нее пустыми, преданными глазами, не смея слова сказать поперек.

Она уже собиралась броситься к двери, как вдруг ледяные, когтистые пальцы ведьмы железной хваткой сомкнулись на её запястье.

— За нити, которые мы сейчас сплели, нужно платить, — пророкотала старуха.

Не успела девушка вскрикнуть, как ведьма ловко, словно змея, выхватила из складок платья тонкую серебряную иглу и резко уколола подушечку девичьего пальца. Выступившую яркую каплю крови старуха безжалостно размазала по лицу Кирилла на фотографии.

— Вот теперь всё. Иди —прошептала Инга, отпуская её руку. — Иди времени мало.

Ника вылетела из избы, задыхаясь от ужаса. Она захлопнула за собой дверь своего Porsche, ожидая, что привычный запах дорогого парфюма вернет ей чувство безопасности. Но салон казался промерзшим, а в воздухе всё еще висел металлический привкус свежей крови. Она судорожно завела мотор, бросила взгляд в зеркало заднего вида и обмерла. Прямо у багажника в сгущающемся вечернем тумане стоял тот самый деревенский дурачок. Он неотрывно смотрел на нее жутким бельмом и медленно прижимал грязный палец к губам — призывая молчать.

Ника с визгом ударила по газам, раскидывая комья грязи. Она гнала прочь от Глухого Бора, но её не покидало липкое, сводящее с ума ощущение, что с пустого заднего сиденья за ней кто-то пристально наблюдает.

Когда звук мотора затих вдали, старуха снова посмотрела на испачканную кровью фотографию. Её украшенные перстнями пальцы нежно погладили лицо мужчины на снимке. Она поднесла фото к губам и прошептала на языке, который не слышали в этих лесах уже сотни лет:

— Скоро, мой господин. Совсем скоро холст снова станет плотью, и мы закончим наш танец.

ГЛАВ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.